

Верни мой голос!

Автор:

Кристина Стрельникова

Верни мой голос!

Кристина Ивановна Стрельникова

Страшилки

Кристина Стрельникова – детский писатель, лауреат Всероссийской литературной премии для детских писателей и поэтов им. С. Маршака за рассказы для детей (2017), лауреат международной детской литературной премии им. В. Крапивина за повесть для детей «Тётя Шляпа. Охота на Тамаранду» (2016).

В новой повести Кристины Стрельниковой «Верни мой голос!» происходят страшные события. Митя, Федя и Лида теряют способность говорить, вместо детей начинают разговаривать их музыкальные инструменты! С каждым днём виолончель, флейта и фортепьяно приобретают всё большую самостоятельность, а дети порой не могут не только произнести слова, но и не в состоянии даже пошевелить рукой. Самое страшное, что музыкальным инструментам нравится вольная жизнь. Захотят ли инструменты вернуть голоса своим нерадивым хозяевам?

Для младшего школьного возраста.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Кристина Стрельникова

Верни мой голос!

Отмена урока и виолончель в автобусе

Это случилось в обычной музыкальной школе с обычными музыкальными детьми. Кто-то думает, что музыкальные дети – это какие-то особенные существа, укушенные поющим единорогом. И с тех пор они целыми днями только и пиликают на скрипке, как ненормальные. Или стучат по клавишам, как одержимые. Или ночью спят, уткнувшись носом в нотную тетрадь. Кое-кто до сих пор считает, что это такие хрупкие вундеркиндики в очках или кудрявые ангелочки с музыкальными инструментами под мышкой. Хотя у некоторых из них и очков-то нет. Да и пианино, между прочим, неудобно под мышкой носить. Даже с арфой в трамвай трудновато влезать.

Так вот, некоторые музыкальные дети порой мечтают вместо очередного музыкального диктанта и разучивания гамм погонять в футбол, поиграть в компьютерные игры или в кино сходить. А может быть – просто поваляться на диване, полистать комиксы и посмотреть хороший фильм. Послушать музыку не по школьной программе. А иногда – просто выспаться после уроков (или вместо уроков). В общем, отдохнуть, как им этого хочется! Об этом же мечтают дети и в математической школе, и в средней школе безо всякого уклона.

И вдруг ученикам школы № 333 выпала такая счастливая возможность – сделать передышку! Преподавателя по сольфеджио вызвали на совещание. Маленькие музыканты вырвались на волю. А на воле – своя музыка: первый снег белыми мошками суетится в воздухе, ветер звенит в ушах, а юный лед подставляет подножки. Три отстающих ученика, оставшихся на дополнительные занятия, не задумываясь, променяли бы свои дорогие инструменты на ещё более дорогие их сердцу роликовые коньки, футбольный мяч и новенький айфон. Но родители упорно толкали детей в «музыкалку»: а вдруг что-нибудь из этого выйдет!

Нет, бывают и в самом деле дети, у которых чуть ли не с рождения неудержимая тяга к изучению музыки. Они прямо рвутся в «музыкалку», даже сбегают из дома, чтобы только помузицировать. Возможно, их и в самом деле укусил чудесный поющий единорог. Или они чувствуют, что у них – дар, и их толкает великое предназначение. Это прекрасно, никто не спорит. Ещё прекраснее, если у детей просто любовь к музыке. Причём взаимная. Может быть, именно из таких детей вырастают те звёзды, которых мы видим на больших сценах.

Но в этой истории речь не о таких детях. А о тех троих, кто с трудом и ежедневным нитьём посещал музыкалку и приносил себя в жертву искусству исключительно ради родителей. В конце концов, родителям виднее, какие способности у ребёнка и куда его нужно отдать (так думают взрослые).

– Закинуть бы эти деревяшки подальше! – крикнул кто-то из этой троицы и, разбежавшись, покотился по тонкому льду, скользя подошвами.

– Ага! Вот бы они сами собой играли, без нас, – согласился второй и уткнулся в телефон.

– Что-то холодно стало. А может, их поджечь и прыгать через костёр? – пошутил третий.

Да... уж лучше бы они не произносили этого вслух под окнами «музыкалки»!

Инструменты, брошенные в классе, слегка оскорбились и уже собирались расстроиться. Но что делать, они же всё понимали и сами когда-то были маленькими, непослушными и дерзкими. И вот в классе возник сторож...

Сторожа – особые люди. Сторожами не рождаются, а значит, сторож до того, как стал что-то сторожить, был кем-то другим. Но кем? Никто не интересуется. А зря, потому что он мог быть кем угодно: от чёрного мага до балерины.

Сторож вошёл, пошептался со скрипкой, с нотной тетрадью, с виолончелью и вроде бы... вполне возможно... но никто за это не может ручаться – чья-то скрипка ему слегка кивнула. Потом контрабас поклонился, фортепьяно согласно стукнуло крышкой, а флейта печально выдохнула. С инструментами, как и с людьми, легче всего договориться, когда они обижены.

На прощанье сторож взмахнул рукой, как дирижёр рисует в воздухе паузу, и удалился.

– Почему мы вообще должны ждать, пока закончится дурацкое совещание? Как будто нам делать нечего! Это не наши проблемы, что учителя вызвали с урока, – решили дети и вернулись в здание школы.

Трое учеников забежали в класс, схватили инструменты и, ничего не заподозрив, помчались по домам.

До остановки они бежали вместе.

– Почему уроки такие скучные? – вздохнул один из них.

– Ещё в начале года преподаватели обещали разучить с нами треки из фильма «Сумерки». И что? – возмутился второй.

– В итоге – то «Князь Игорь», то ария Снегурочки, а то «Звонче жаворонка пенье»!

– Пфф! – фыркнул третий ученик.

На этом они расстались и разъехались по разным маршрутам.

Первое предчувствие, что что-то не так, появилось у Мити Радиолова в автобусе. Радиолов пытался протиснуться мимо крупной дамы, занимавшей полмаршрутки, но дама возмущённо пихнула виолончель в бок и крикнула Мите: «А ну, убери свою бандуру!»

И вдруг виолончель произнесла приятным баритоном: «Сама ты, тётенька, бандура!» – и густо рассмеялась.

Митя готов был поклясться, что голос раздался из чехла, но поверить в это было невозможно.

– Вот тебе и на тебе! Новое поколение! – закатила глаза тётенька.

Но она не договорила, потому что Митя открыл рот, чтобы извиниться, но из него вырвалась выразительная мелодия, с той интонацией, какая могла быть только у виолончели. Митя, увидев вытаращенные тётенькины глаза, сделал вторую попытку оправдаться. Но выдал музыкальное возмущение, напирая на ноту «до». Митя прикрыл рот ладонью и быстренько выскочил на чужой остановке. По дороге он подпрыгивал и поскуливал высокими нотами, а виолончель, прыгая вместе с ним, гудела на всю улицу почти по-шалаяпински: «Ух, эх. Не дрова несёшь. Дубинушка, ухнем!» и ещё что-нибудь эдакое.

В голове у Мити перемешались слова и звуки, и он потерял способность соображать.

Забежав домой, Митя осторожно приставил виолончель к стене в своей комнате и забросал сверху одеждой. Как раз у него на полу скопилась пирамида из мятых футболок, джинсов и рубашек вперемешку с нотными тетрадями и комиксами. Детали этой пирамиды он две недели собирался рассортировать и распихать по шкафам, но находились дела поважнее.

Родители ещё не пришли с работы. Они относились с пониманием к беспорядку на Митиной территории и называли это «творческий хаос». Он был уверен, что мама не станет копаться в его вещах и не раскопает флейту.

Мальчик рухнул на диван и, несмотря на то, что ему послышалось, как под ворохом вещей нечто тихо посапывает, провалился в глубокий беспокойный сон.

Лидочка Рожкова прибежала домой в прекрасном настроении. Пианино она с собой не таскала, поэтому в автобусе ей никто замечаний не делал.

Лидочка уселась на диван поудобнее, чтобы часика три спокойно поболтать с подругой по телефону обо всём, о чём обычно болтают девчонки. Набрала номер домашнего телефона, услышала голос подруги и...

С Лидочкиных губ слетела соната Бетховена, со всеми ошибками, какие она допускала на уроках.

– Алё! Кто это? – спросила подруга.

Лидочка снова открыла рот и с ужасом услышала сонату в своём исполнении.

– Да вы что, издеваетесь? Кто это? – взвизгнула подруга.

Лидочка осмотрела корпус телефона, поводила пальцем по экрану, снова выдула несколько звуков, которые оформились в мелодию «Fantastic Beast Theme». И тут она услышала кокетливый подружкин голос:

– А-а, Лёва, это ты? Я так и думала. Что, надоела тебе Лидка со своими закидонами, решил ко мне подкатить? Хи-хи-хи. Ладно уж, приезжай, поняла твой намёк. Мы же договаривались посмотреть «Фантастических тварей».

Лидочка отбросила от себя телефон, как ядовитую змею. От обиды и бессилия у неё на глаза навернулись слёзы.

Она проверила свой голос, убедилась, что говорить по-человечески не может, и глубоко задумалась. В голове у неё пронеслись три вопроса, не связанных между собой: «Что со мной не так? Как она могла? Я – уродина?»

– Гад какой! – донеслось вдруг до неё откуда-то справа.

Лидочка медленно повернула голову на звук но, кроме пианино и рыжего кота в углу, ничего не было. Лидочка заподозрила кота, всё-таки живое существо, хотела его окликнуть, но вместо этого сыграла вопросительную мелодию. Лидочка откашлялась, издала несколько фальшивых нот и убедилась, что у неё что-то с гортанью.

Кот поморщился и отвернулся.

– Я говорю, гад какой! – явственно повторило пианино. – И подруга тоже никудышная.

В том, что с ней заговорило пианино, Лидочка теперь не сомневалась: клавиши ходуном ходили, будто нажимаемые невидимой рукой.

Лидочка, дрожа, села за инструмент и положила руки на клавиши.

– Ничего не выйдет! – звонко рассмеялось пианино, и клавиши разбежались под Лидочкиными тонкими пальцами.

Тогда девочка поняла всю нелепость происходящего и решила, что теперь-то она готова упасть в обморок. Бедная Лидочка так и хлопнулась прямо на ковёр.

Последний из этой троицы – Федя Свиристелкин – не сразу обнаружил пропажу собственного голоса. Он был неразговорчивым мальчиком. В трамвае он молча протянул контролёру деньги и молча убрал билет в карман. Дома он молча переоделся, молча поел и сделал домашние задания без единого звука. Затем он пошёл принять душ перед сном, а в ванной он не имел привычки петь, как некоторые. Ему и во время хоровых занятий намекали, что неплохо было бы петь, а не просто открывать рот.

Он бы, наверное, так и лёг спать, ничего не узнав, но тут пришёл папа.

Папа в последнее время занимался самоедством: ему казалось, что он мало внимания уделяет сыну, и ребёнок замыкается в себе. А Феде казалось, что папа слишком замыкается на нём, Феде.

– Ну, что сегодня новенького? – заворковал папа. – Как уроки? Как друзья? Что случилось?

Федя не успевал отвечать на все папины вопросы сразу, поэтому обычно выжидал и отвечал на самый последний. Папа всё равно витал в своих мыслях и забывал, о чём он спрашивал в самом начале.

– Всё нормально, па. Зря суетишься, – так хотел ответить Федя.

Но вместо этого сыграл папе убаюкивающую мелодию – Нарнийскую колыбельную.

Папа, который в это время хлопотал у плиты, на миг обернулся. Казалось, ему не столь важно было услышать ответ, как успеть задать вопрос.

– Это что-то новенькое? Сегодня изучали? Красиво. Очень!

Федя озадаченно почесал в затылке. Дождавшись, пока папа отвернётся, он ответил:

– Нет, полгода назад. Сам разучил. Ноты скачал из интернета. Но мой учитель не знает об этом и, скорее всего, считает меня бестолковым учеником, вот и оставляет на дополнительные занятия.

Всё это Федя мысленно, конечно, ответил. А вслух озвучил пассаж из «Снегурочки».

– А, ну-ну, молодец, сынок.

Сынок подавил свой очередной музыкальный порыв, прикрыв рот ладонью.

– Ты что-то хотел сказать? – опять обернулся папа. – Может, у тебя проблемы? Может, тебе нужна помощь?

Федя замотал головой и убежал в комнату. Масштаб своих проблем он пока не осмыслил.

Папа горестно вздохнул: опять ему не удалось найти общий язык с сыном. Он серьёзно задумался о том, не начать ли ему изучать музыку, чтобы было о чём поговорить с талантливым ребёнком.

Федя сел на кровать и покосился на флейту. Он сразу понял, откуда ветер дует. Поэтому, когда флейта заговорила, Федя не очень испугался.

– Уж лучше бы не лез со своими разговорами по душам. Доста-ал, – свистнула Флейта.

Федя приложил палец к губам: молчи, мол, отец услышит.

Флейта сбавила звук на полтона и мягко добавила: «И нечего обо мне беспокоиться».

Федя схватил телефон и быстро разослал сообщение нескольким друзьям из класса. Хорошо, хоть этого он не разучился делать! Сообщение было странное:

«На каком языке говорят инструменты?» Конечно, одноклассники приняли это за прикол или загадку и отвечали кто во что горазд: «на деревянном», «на волшебном», «на языке эмоций», «не умничай», «по какому предмету задали?», «на нотном», «отстань», «на итальянском», «иди к чёрту», «а зачем тебе?». Были и другие варианты.

И только два человека сообщили: «На человеческом!». Оказалось, что за одного разговаривала виолончель, за другую – пианино.

«Встретимся завтра у меня», – отправил он сообщения Лиде Рожковой и Мите Радиолу. – «Приходите со своими инструментами».

«А мне пианино тащить? Лучше у меня», – ответила Лида.

Федя хлопнул себя по лбу и написал: «Встреча у Лиды».

Потом он тихонько выглянул из комнаты. В зале, перед телевизором, сидел папа. Вместо любимого канала «Хистори» он включил передачу о классической музыке. Королевский оркестр «Концертгебау» гремел, дирижёр извивался на экране, ведущий сладкоголосо комментировал действие, а папин храп сотрясал диван.

Преподаватель сольфеджио и новое трио

На следующий день унылая компания юных музыкантов заседала на Лидином диване. Федя писал вопросы на маркерной доске Лидиной мамы, а ребята так же письменно отвечали.

Выяснилось, что все, как один, сослались на зубную боль, чтобы не разговаривать с родителями. Для достоверности им пришлось держаться за щёки, стонать, морщиться, пить обезболивающие лекарства, полоскать рот содой и ромашкой и делать вид, что они готовы пойти к стоматологу. Правда, Лида всё-таки разболталась, то есть распелась перед бабушкой, и та заподозрила сразу и ангину, и переутомление, и повышение температуры, и новый нигерийский вирус. Но потом Лида при помощи ужимок и гримас пыталась

доказать бабушке, что просто «прикалывается». На бабушка поняла по-своему – внучка издевается.

«Лучше пусть бабушка обидится, чем её хватит insult», – хмыкнуло пианино из угла.

– Что же теперь будет? – думали дети. – Инструменты будут говорить нашими голосами, а мы будем подобны музыкальным деревяшкам? Это навсегда? А как же родители? Как же школа?

– Буду вместо школы на роликах кататься! – мечтательно сказала пианино.

– С твоей-то фигурой! – раскатисто засмеялась виолончель.

Федя схватился за голову, будто что-то вспомнил, и написал на той же доске: «Нам надо найти с ними общий язык, почувствовать их настроение».

Да, именно так и учил Григ. Григ – Григорий Иванович, преподаватель по сольфеджио, а заодно и руководитель оркестра. Легко сказать!

– Да ты что, правда? Ах вот в чём дело? – слышались иронические нотки со стороны пианино.

Лида подошла к пианино и погладила его по гладкой крышке. Пианино неуклюже подпрыгнуло и захихикало.

– Прямо как ты, Лидка, – хотел сказать Митя, показывая на Лиду пальцем, но сыграл отрывок из балета «Петрушка».

Зато его мысль, слегка искажённо, озвучила виолончель.

– Лидка, пианино такое же неуклюжее, как ты, и так же глупо ржёт.

Лида повернулась к Мите и разразилась военным маршем.

«Они могут читать наши мысли», – написал Митя на доске и покраснел. А виолочели – хоть бы что, она даже не смутилась.

«Но самое опасное, что они не только высказываются за нас, но и выдают свои независимые мнения!» – понял Митя.

«То есть, у нас так скоро не будет права голоса!» – написал на доске Федя.

Виолончель насмешливо тренькнула. Федя сосредоточился. Он закрыл глаза. Сначала в воздухе перемешались различные шумы: скрипы, скрежет и даже стоны. Набор звуков – прямо как в фильме ужасов. Чувствовалось нарастающее напряжение. Это Федя старался покорить инструмент силой мысли. Ему сопротивлялись сразу три инструмента. Затем звуки оборвались, как будто кто-то прижал ладонью струны, и всё стихло. Федино лицо приняло умиротворённое выражение. По комнате полилась негромкая приятная мелодия для флейты.

– Похоже на мелодию «Одинокий пастух», – высказалось пианино голосом, похожим на Лидин.

Митя и Лида, неподвижно сидевшие в ожидании всё это время, заплодировали. Флейта замолчала.

Тогда Федя взял её в руки и мысленно послал ей сигнал. Но она молчала, не откликалась.

– Ты должна меня слушаться, – про себя приказал ей Федя.

– Никому я ничего не должна, – капризно заявила флейта. Я, может, только жить начинаю! Я хочу быть самостоятельной! А ты собираешься всё испортить.

Теперь пришла очередь Лиды. Она долго перебирала клавиши, как будто только что их увидела. И хотя они ускользали от неё, как прибрежная волна, она всё прислушивалась, всё искала ту ноту, которая совпадала бы с её внутренним состоянием.

– Я так не играю! – заявило пианино. – Не хочу, не буду!

Лида растерялась. Потом задумалась, прислушиваясь к себе. И вдруг Лидины пальцы занырнули в набежавшую чёрно-белую волну, скользнули вверх по клавишам, всё выше и... поймали. Вот он, тот самый аккорд! Теперь Лида играла под аккомпанемент собственного Пианино.

Лида остановилась, будто внезапно устала. Пианино, подчинившись какой-то неведомой силе, заговорило настоящим Лидиным голосом: «Давайте найдём Грига!»

Митя не смог справиться с виолончелью. Он всё время срывался на оперу «Князь Игорь», которую никак не мог осилить в музыкалке. В конце концов, Виолончель попросила вместо него: «Хочу есть. Яблочком не угостишь?»

Лида взяла из вазы самое большое яблоко и поднесла к Виолончели. Потом очнулась и отдала его Мите.

Мите стало страшно. Если Виолончель будут воспринимать как живое существо, то кем станет он, Митя? Он уже представлял себя в чехле, застёгнутом на замок.

– А меня не угостишь? – обиженно сказала Флейта. – Или ты для Лёвочки своего бережёшь?

Лида нахмурилась.

– А тебе какое дело? – буркнуло Пианино.

– Ну всё, хватит! – прогудела Виолончель.

– Как насчёт Грига? – напомнило Мите и Феде Пианино. Пока нам удаётся вставлять свои слова, то есть пока наши инструменты не заткнули нас окончательно, надо поговорить с ним.

– Он слишком взрослый, – робко подала голос Флейта. – Он не поймёт.

Занятия в школе уже закончились. Стены отдыхали от звуков разучиваемых гамм и пассажей. Только уборщица баба Маня смывала последние следы с лестницы.

Баба Маня была самым уважаемым и самым страшным человеком в школе. Даже директор не внушал такого страха детям, как баба Маня. Она кричала на тех, кто без сменки, и на тех, кто со сменкой, на тех, кто приходил, и на тех, кто уже убегал, на учеников и на их родителей. Её боялись даже учителя и по мокрому полу ходили на цыпочках, прижимаясь к стенам. Для бабы Мани не существовало учеников, преподавателей и родителей. Были только вредители, которые «топчут и топчут!» и от которых нужно было охранять территорию.

Митя выглянул из-за угла: коридор был пуст, швабра скрылась за поворотом. Ребята прокрались в класс.

Григорий Иванович, он же Григ, рассеянно складывал вещи (не то чтобы складывал, скорее запихивал и утрамбовывал стопки тетрадей в пухлый портфель), когда в класс молча вошли трое.

Этих трёх учеников Григорий Иванович звал нерадивыми, а проще говоря – оболтусами, особого интереса к ним не испытывал и больших надежд на них не возлагал. Но, из-за того, что он являлся для них ещё и руководителем оркестра, ему приходилось следить за их поведением и успеваемостью. Григ сто раз говорил детям, что талант – это способности, помноженные на колоссальный труд. А эти трое были хоть и симпатичными, но ужасно ленивыми учениками.

– Радиолов, Рожкова, Свиристелкин... Вы немного опоздали, примерно на три урока, – сухо сказал он ученикам, вглядываясь в недра портфеля. – Или вы живёте в другом временном пространстве?

Троица молчала, и учитель поднял голову. Побледневшие лица, умоляющие глаза. Что-то случилось, учитель это понял. Их как будто распирало изнутри.

– Рассказывайте, – потребовал он и снова повернулся к своему портфелю. Навалившись на него животом, учитель пытался застегнуть замок.

Друзья принялись наперебой рассказывать о происшествии. В классе поднялся невообразимый шум и трезвон.

– От вашего трио уши закладывает, – сказал учитель. – Вам надо научиться работать в ансамбле. Постойте. Что это было? Импровизация? Ну-ка, сыграйте

ещё раз!

Учитель внимательно оглядел ребят и только тут заметил, что инструменты не расчехлены, а Лида даже не подходила к фортепиано.

Он стал искать глазами телефон, записывающее устройство, любой гаджет, способный на уловку. Но звук был слишком живым.

– Григорий Иванович, сядьте. Мы сейчас вам всё расскажем, – произнёс кто-то, и учитель удивился мелодичности голоса.

Он помотал головой, словно смахивая с лица усталость, заставляя себя не поддаваться на детские хитрости, и сказал:

– Так, мне некогда, встретимся завтра на уроках.

Григ был в меру строгим, суховатым преподавателем. Этим он скрывал свою застенчивость. Внутри строгого Григория Ивановича сидел маленький робкий Гришенька, который каждый день в душе молился, чтобы урок прошёл спокойно, без ученических выкидонов. Впрочем, детей вокруг пальца не проведёшь. Может, поэтому они и называли строгого учителя за глаза то Григом, то Гришенькой, а если и не нападали на него, так только потому, что на 50 % уважали его и на 30 % жалели. Остальные 20 % уходили на разные чувства: от любви до ненависти. Всё-таки Гришенька был не вредина и не ябеда, все конфликты решал внутри класса, никогда не мстил ученикам, свои личные проблемы в школу не приносил, плохое настроение на детях не вымещал.

– Мы не можем завтра, – сказала Лида, не разжимая рта. По правде говоря, она и сама очень удивилась, что школьное фортепиано тоже понимало и могло её, Лиду, озвучивать.

Григорий Иванович медленно подошёл к Лиде, не сводя с неё внимательных серых глаз.

– Мы не можем говорить! – По клавишам фортепиано пробежали лёгкие волны, а по спине Григория Ивановича – мурашки...

Григорий Иванович отпрянул от фортепиано и сел на стул. Он молча, не перебивая, выслушал всю невероятную историю детей. С ним разговаривали то Флейта, то Виолончель, то в разговор вступало Фортепиано, и он поворачивал голову на звук, каждый раз вздрагивая. Всё же Гришенька был человеком чутким. Или просто нервным, ведь приходилось работать с юными дарованиями.

Иногда Виолончель вклинивалась с дерзкими замечаниями, вроде: «А вы тут сидите как истуканы, и ни черта, кроме своих теорий, не знаете», и тогда Митя краснел.

Григорий Иванович бросил Виолончели: «Митя, не перебивай». Но тут же спохватился и велел каждому встать рядом со своим инструментом, чтобы удобнее было обращаться.

Григорий Иванович ещё раз внимательно оглядел учеников. Может быть, он что-то упустил, надо было внимательнее к ним относиться. Может быть, он просто не смог раскрыть их таланты? А вдруг он просто-напросто не умеет находить общего языка с детьми?

– Так, – наконец вздохнул Григорий Иванович и вскочил. – Нет, не так, – тут же сказал он и сел.

Потом он снова встал и помолчал. Потом покружил по классу, цепляясь лапами пиджака за стулья.

– Хорошо, что вы пришли прямо ко мне, – сказал Григорий Иванович, хотя сам не был в этом уверен. – Мы что-нибудь придумаем. Обязательно!

– Ой, ну что вы можете приду-у-умать, – уныло протянула виолончель.

Григорий Иванович, на этот раз не дрогнувший перед голосом музыкального инструмента, упрямо выпрямился и повторил про себя: «Я взрослый, я взрослый, я взрослые... Значит, я должен что-то решить».

В дверь постучали. Вошёл сторож и с каменным лицом сообщил, что закрывает двери.

– Сейчас-сейчас, я тут... занимался с отстающими.

Сторож с усмешкой оглядел детей и вышел. В его усмешке было что-то... загадочное и надменное. Будто он знал что-то, чего не знали ни учитель, ни дети, ни все сторожа в мире.

Флейта вздрогнула и упала со стула. Фортепиано поспешило захлопнуть крышку. Виолончель задрожала.

Григ находит в себе шпионские качества, но теряет обыкновенные

В первую очередь Григорий Иванович обзвонил родителей троицы «нерадивых учеников» и сообщил им, что идёт подготовка к важному концерту, детям нельзя разговаривать, это влияет на связки. По новому методу обучения, они могут только распеваться и пародировать звуки. А среднюю школу лучше пока не посещать, чтобы не перегружать детей.

– Вот врёт! А ещё учитель! – высказалась Виолончель, но Митя накинул на неё куртку.

– Спасибо, я и так не мёрзну, – приглушённо съязвила та.

Родители юных музыкантов с самого начала обучения смотрели на Григория Ивановича, как на Волшебника. Они надеялись, что Григ вдруг щёлкнет пальцами и совершит чудо: превратит шалопаев в Шопенов.

Сейчас преподавателю пришлось собрать в кулак всё свое мужество и остатки уверенности. Он должен был это сделать, потому что он, как-никак, взрослый, и дети ждут от него решительных шагов.

«Ведь они обратились к тебе, а не к кому-то другому», – настраивал он сам себя.

– А теперь идите по домам и постарайтесь не шокировать родителей своими напевами.

– Моя мама так редко бывает дома, что по телефону с ней вполне может поговорить пианино. А когда вернётся, то может перепутать меня с говорящей деревяшкой, ведь она смотрит в телик, или в телефон, или из другой комнаты кричит, – сказала Лида при помощи фортепиано. – Разве только бабушка начнёт меня лечить от чего-нибудь...

– Мой отец тоже ничего не заметит. Он по уши в психологии и педагогике, – сказала флейта Фединым голосом.

– Вы уж извините, но у меня и мама, и папа в наборе, и они меня обожают. Они очень заботливые родители. И они... – Виолончель издала хлюпающие звуки, хотя Митя и не собирался плакать.

Митя вдруг понял, что Виолончель не бесчувственная деревяшка и способна отозваться на его печаль. Он подошёл к ней и неуклюже погладил.

– Извини, – сказала Виолончель голосом Мити. И тут же сама себе ответила:

– Извиняю.

Григ проводил ребят до остановки и долго смотрел вслед уходящей маршрутке.

Если бы Григорию Ивановичу нужно было спешить домой, если бы дома его ждала жена или хотя бы собака, или, на худой конец, голодный хомячок, он ни за что не вернулся бы в пустую школу с потемневшими окнами.

Но его никто не ждал и не высматривал его из окна, даже цветы на подоконнике.

Григорий Иванович оценивал себя реалистически, считал себя человеком со средними способностями и средненькой внешностью и ничего особенного от жизни не ждал. Но внутри него жил маленький мечтательный Гришенька. У Гришеньки, как у многих тихих и стеснительных людей, с которыми ничего особенного не происходит, было обострённое чувство ожидания Чего-то. Григорий не сомневался, что Оно где-то рядом, и поэтому всё время находился в предчувствии Чуда. И кто же, как не он, должен встретиться с ним лоб в лоб? Тогда школьный преподаватель скинет свою скучную оболочку, как змея – кожу,

и предстанет прекрасным, талантливым, значительным и любимым. В общем, что-то между суперменом, мегазвездой и рыцарем. Что для этого нужно сделать, Гришенька пока не придумал. Хорошо бы, если бы не пришлось прыгать в кипящий котёл, как в сказке.

А пока Григорий Иванович вернулся и решительно вошёл во двор школы. Школьные двери уже были заперты. Обойдя вокруг строгого жёлтого здания с белыми колоннами (стиль – советский классицизм), он заметил странное мелькание света в актовом зале.

Григорий Иванович взобрался на мусорный бак, нашёл прореху в шторе и прислонился лбом к стеклу. Григ даже в детстве, когда был Гришкой-очкариком, ни за кем не подглядывал, а тут почувствовал себя начинающим шпионом. Ощущение оказалось необычно-приятным, до щекотки в груди.

– Поздненько начинаю, – пропыхтел Григ, цепляясь утончёнными пальцами за ржавый подоконник.

То, что он увидел, чуть не сбило его с ног. Григ покачнулся. Ещё бы чуть-чуть, и он бы грохнулся в тишине двора вместе с железным баком. Григорий Иванович никогда такого не видел, даже во сне, даже в болезненной горячке. Он уставился в окно во все глаза, стараясь рассмотреть хорошенько всё, что происходило внутри. Возможно, придётся ущипнуть себя за нос и убедиться, что у него начался бред от долгого преподавания.

Происходящее в актовом зале походило на шабаш, но не ведьм, а музыкальных инструментов.

На сцене, ни на что не опираясь, стоял контрабас, а саксофон и две скрипки висели в воздухе. Рояль оскалился в чёрно-белой улыбке. На рояле приплясывали три укулеле. Кроме того, был и аккордеон, развалившийся в кресле первого ряда, и домбра, шутовски кривлявшаяся между рядами.

Сторож, приодетый во фрак и здорово преобразившийся, руководил этим странным ансамблем. Дирижировал он виртуозно: рисунок, который вычерчивала его палочка, инструменты воспринимали безоговорочно и выжимали из себя все звуки, на какие были способны. Они ещё никогда не достигали такого диапазона звучания под неопытными руками учеников, и,

казалось, сами получают от этого столько удовольствия, что готовы взлететь.

Звуки доносились до слуха Григория Ивановича даже сквозь двойной стеклопакет. Но угадать мелодию он не мог: это было что-то запредельное, такая музыка находилась за границами знаний учителя. Свистопляска продолжалась до тех пор, пока Григорий Иванович не выдал себя. Он покачнулся и тюкнулся лбом о стекло. Парящие инструменты рухнули на пол, сторож-дирижёр обернулся, а неудавшийся шпион бухнулся на землю. Железный бак с громыханьем покатился по обледеневшему асфальту.

Сторож резко распахнул окно.

– Я... я никому не скажу, – неуверенно проговорил учитель, наивно глядя на сторожа-дирижёра снизу вверх.

– Конечно не скажешь, – зловеще-спокойно сказал сторож, и в ту же минуту Григорий Иванович лишился дара речи.

В поисках голоса

Григорий Иванович, сидя дома в полумраке, с нетерпением ждал утра. Старенькое пианино в комнате не подавало признаков жизни. Григ постукивал костяшками пальцев по столу, пил кофе, потом валерьянку и снова кофе.

Утром, отправив сообщения трём своим друзьям по несчастью, Григорий Иванович, замотанный шарфом, отправился в школу.

Как он договорился с директором, неизвестно. Только его сегодня заменяла некая Татьяна, лучшая ученица и гордость школы. Татьяна взялась за учеников с тем рвением, на которое способны люди, внезапно и не по праву получившие власть над равными.

Григ с тоской обходил класс за классом. В большом зале он тоже не нашёл своего голоса: инструменты стояли безмолвные и бездушные, как заговорённые.

Директор школы сначала ходил следом и наблюдал за ним с недоумением. Но потом решил оставить подчинённого в покое. Этот педагог был скромным, исполнительным, а нервные срывы бывают почти у всех учителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/strel-nikova_kristina/verni-moy-golos

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)